

Научная статья

УДК 81'367.7

DOI 10.17223/18137083/84/21

Системные отношения в сфере тавтологий

Татьяна Ивановна Стексова

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

steksova@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Аннотация

Отмечается, что тавтологические конструкции в лингвистике довольно подробно уже изучены и описаны со стороны их семантических и прагматических свойств, и предлагается рассмотреть отношения, существующие между различными тавтологиями: предикативными единицами, синтаксическими фразами, редуцированными лексемами. Выделяются отношения производности разных типов: производность предикативных единиц за счет нулевой связки и производность синтаксических фразем, с одной стороны, путем выпадения глагольной связки и, с другой стороны, путем повтора рематичной лексемы предыдущего высказывания с утратой ее рематичности. Фиксируется, что все тавтологические единицы способны вступать между собой в системные отношения синонимии, омонимии и антонимии.

Ключевые слова

русский язык, тавтологические конструкции, предикативная единица, синтаксическая фраза, системные отношения, производность

Для цитирования

Стеклова Т. И. Системные отношения в сфере тавтологий // Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 299–311. DOI 10.17223/18137083/84/21

System relations in the sphere of tautologies

Tatyana I. Steksova

Novosibirsk State Pedagogical University

Novosibirsk, Russian Federation

steksova@inbox.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Abstract

Tautological constructions have already been thoroughly studied in linguistics and described in terms of their semantic and pragmatic properties. The purpose of this paper is to identify the relations between the different types of tautologies: predicative units, syntactic phrases, and reduplicated lexemes. Derivation relations of different types are distinguished. The derivation of predicative units is found to be due to the linking verb being replaced by a pronoun:

© Стеклова Т. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 3. С. 299–311
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 3, pp. 299–311

“Zhena est’ zhena” (A wife is a wife) → “Zhena kak zhena” (A wife as a wife). At the same time, synonymous meanings and a shift in semantics, adding an extra pragmatic meaning, are possible. On the one hand, the derivativeness of syntactic phrasemes is due to the complete loss of the verbal copula, making the new characteristics of tautology appear. This process involves a tautological combination performing one syntactic function, most often of a predicate, and the impossibility of extension or insertion of other words. On the other hand, a tautological phraseme is formed by repeating the rhematic lexeme of the previous statement with the loss of its rhematicity and the manifestation of the meaning of irrelevance, indifference to the reported information: “Petr priekhal! – Nu priekhal i priekhal, chemu ty tak raduesh’sya?” (Peter has arrived! – Well, arrived and arrived, what are you so happy about?). It is concluded that all tautological units can enter the systemic interrelations of synonymy, homonymy, and antonymy.

Keywords

Russian language, tautological constructions, predicative unit, syntactic phrase, system relations, derivativeness

For citation

Steksova T. I. System relations in the sphere of tautologies. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 3, pp. 299–311. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/84/21

Введение

В истории изучения тавтологических сочетаний насчитывается достаточно большое количество исследований, посвященных анализу отдельных конструкций. Так, проанализированы и описаны конструкции типа *X есть X*, *X это X* (например, *жена есть жена*, *жена это жена*) [Булыгина, Шмелев, 1997; Падучева, 2004; Вилинбахова, Копотев, 2017]; *X есть X*, *X и есть X*, *X и X*, *X как X* (например, *платье есть платье*, *платье и есть платье*, *платье и платье*, *платье как платье*) [Урысон, 2020]; *X так X* (*гулять так гулять*) [Копотев, 2008]; *ну X и X* (*ну приехал и приехал*) [Стексова, 2006]; *X X-м* (*дурак дураком*) [Стексова, 2007]; *X не X* (*статья не статья*) [Вилинбахова, 2017] и мн. др. Как правило, все исследователи обращали внимание на семантические и прагматические особенности конструкций и на ограничения или свободу вербального замещения компонентов конструкции. Наличие исследований отдельных конструкций позволило выявить принципы синтаксической идиоматизации с обращением к диахроническому аспекту [Копотев, 2008].

Задачей данной статьи является попытка осмыслить совокупность тавтологических сочетаний как некую систему, выявить типы этих сочетаний, их взаимосвязь и принципиальные различия.

Можно говорить о трех (по крайней мере) группах тавтологических конструкций: тавтологические предикативные единицы, тавтологические синтаксические фраземы и редуцированные лексемы / лексические клоны (более подробно об этой группе тавтологий см.: [Матханова, Храмцова, 2023]). Вероятно, к тавтологиям можно отнести и такие сочетания, как *там-то и там-то*, *те-то и те-то*, описанные Р. Харвегом [1978]. Нас в первую очередь интересуют тавтологические предикативные единицы и тавтологические синтаксические фраземы.

1. Тавтологические предикативные единицы

Отрицательные и утвердительные тавтологические конструкции, компоненты которых являются субъектом и предикатом, т. е. представляют собой предикатив-

ную единицу: *Жена есть жена; Кино как кино; Факт есть факт; Факт остается фактом.*

Будучи предикативной единицей, данный тип тавтологий обладает следующими свойствами: а) наличием парадигм: *Жена всегда была женой; Кино будет как кино; Муж был не просто мужем...; Жена не была бы женой, если бы закрыла на это глаза*; б) лексической незакрепленностью компонентов; в) возможностью распространения уточняющими членами: *Муж не просто муж мне, а друг, любовник, наставник...*; г) функционирует как в качестве самостоятельной предикативной единицы, так и в составе сложносочиненного предложения: *Война войной, а обед по расписанию.*

Рассматривая диахронические процессы, происходившие в русском синтаксисе, исследователи отмечали процесс выпадения связки «быть» в некоторых типах предложений [Копотев, 2008; Зализняк, 2008; Руднев, 2007]. «С синтаксической точки зрения эволюция состоит в том, что связки постепенно уступают свои функции личным местоимениям. <...> Со временем достигается конечная точка этого движения – связки полностью исчезают» [Зализняк, 2008, с. 222]. Эти наблюдения не касались тавтологических конструкций, но, тем не менее, вполне применимы к ним.

Так, в Корпусе тавтологическая предикативная единица с нулевой связкой отмечена примерами из литературы XVIII в. На запрос *Война войной* – основной корпус (с 1783 по 2019 г.) выдает 46 документов, 48 вхождений. Первый пик частотности приходится на 1799 г. Второй и третий пики частотности отмечаются в 1994 и 2015 гг.

Оттуда некто подполковник Таваст выезжал всегда для переговоров со мною и с своими поручениями являлся на наши посты, и так мы с ним, видаясь часто, коротко ознакомились. Война – войной, приязнь – приязнью (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3. 1788–1822).

Война войной, а красота природы никуда не исчезала (И. К. Архипова. Музыка жизни. 1996).

– Война войной, а наука наукой, пятаки тут ни при чём (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2. 1964).

Из 48 зафиксированных в корпусе примеров на запрос *Война войной* лишь в двух случаях зафиксирован связочный глагол:

А когда война войной пошла, тут слушали кругом про расстрелянных, словно баранов там стреляли, а не людей: все привыкли – и в армии, и по станицам, по селам, и в горах (Д. А. Фурманов. Мятаж. 1924);

Определяя свое отношение к настоящей войне, П. Кропоткин отвечает тем, кто хочет наверное знать, будет ли эта война войной освободительной (П. А. Кропоткин. П. Кропоткин о войне (19.10.1914) // «Столичная молва», 1914).

На запрос *Война была войной* корпус выдает 10 документов, 13 вхождений, причем тавтологическая конструкция встречается как в монопредикативном предложении, так и в составе полипредикативного предложения с сопоставительными / противительными смысловыми отношениями:

Первая мировая война была войной между социально однопольными противниками (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. 1988–1998);

Та война была войной авиации и танков, а сейчас состоится война ракет и атомных бомб (Никита Хрущев. Воспоминания. 1971).

Активно используются в русском языке и идиомы *факт есть факт* и *факт остается фактом*. Примечательно, что субстантив *факт* в них, хотя и сохраняет морфологические свойства существительного, но уже демонстрирует отсечение синтагматических связей (нет примеров употребления с атрибутом) и чаще используется в форме единственного числа при теоретической возможности использования множественного:

Отношения между людьми меняются, но факты остаются фактами; фальсифицировать историю в наши дни общепринято, но непочтенно (Л. Чуковская. Дом поэта, 1972–1980).

Это свидетельствует о том, что фразеологизация предикативной единицы каузирует начало процесса синтаксической грамматикализации (более подробно о судьбе лексемы *факт* см.: [Стексова, Шмелева, 2021]).

На запрос *Факты остаются фактами* корпус выдает 12 вхождений:

Но приведенные факты остаются фактами и непреложно доказывают одно: воля к национально-самобытной жизни есть (Владимир Жаботинский. Фальсификация школы // Одесские новости, 1910).

Для нас важно, что по модели *X остается X* в русском языке строится много предложений, причем лексическое заполнение позиции *X* не ограничено:

Человек остается человеком, будь он рабочий, служащий или интеллигент (Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица. 1955–1956);

Женщина остается женщиной даже на двух костылях! (А. М. Галин. Аномалия // «Современная драматургия», № 4, 1999);

В результате его убирают, тайна остаётся тайной, а сюжет получает дополнительный толчок (Вера Белоусова. Второй выстрел. 2000).

Безусловно, возможно функционирование предикативной тавтологической конструкции и без вербально выраженной связки:

«Мужчина должен быть мужчиной, – добавил он, – а женщина – женщиной» (Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства. 1999);

Вопросы риторические, но весьма актуальные для наших судов. Но уловки уловками, а факты фактами (Максим Шестаков. Суд и права потребителя // «Отечественные записки», 2003);

Я полагаю, что статьи являются статьями, а факты – фактами (Чехословакия (12.1934) // Вѣстникъ Общества Галлиполійцевъ. № 18, 1934).

Следует отметить, что предикативная тавтологическая единица без вербально выраженной связки чаще всего функционирует в составе сложного предложения с противительно-сопоставительными или противительно-уступительными отношениями:

Но оказывается, любовь любовью, а пенсия пенсией (Федор Павлов-Андреевич. Бег // «Домовой», 2002.06.04);

Шутки шутками, но они долго к нам присматривались (Николай Фоменко, Александр Кобеляцкий. На чем доехать до Монако // «Русский репортер», № 22 (200), 9 июня 2011).

Е. В. Урысон считает, что редукция глагольной связки порождает появление нового тавтологического сочетания, и убедительно доказывает, что тавтология типа *Платье и платье* «является результатом элиминации связки *есть* в конструкции *X и есть X* или, точнее, замены связки *есть* на нулевую связку» [Урысон, 2020, с. 109]. Системная элиминация связки вызывает семантические сдвиги в конструкции и сближает ее с конструкцией *X как X*, делая их синонимичными.

Важно отметить, что описанный исследователями процесс, тем не менее, составляет производную конструкцию в группе предикативных тавтологий. Но наряду с этим можно выделить и случаи, когда глагольная связка не заменяется на нулевую, а полностью утрачивается, и эта утрата глагольной связки приводит к появлению тавтологической фраземы. Таким образом, можно говорить об отношениях производности между тавтологическими предикативными единицами и тавтологическими синтаксическими фраземами.

2. Синтаксические тавтологические фраземы

Тавтологические сочетания, которые в процессе грамматикализации и идиоматизации стали синтаксическими фраземами (*дура дурой, гений не гений* и др.), утрачивают свойства, характерные для предикативной единицы, и приобретают другие свойства: а) неполная реализация парадигм: *Ну приехал и приехал* – только изъявительное наклонение; *Обещать не обещаю* – только наст. или прош. вр.; *дурак дураком* – только Им. п. + Тв. п.; б) выполнение одной синтаксической функции, чаще всего предиката; в) синонимичные отношения со свободными словосочетаниями или редуцированными лексемами (*полная / круглая дура; не совсем гений*); г) антонимичные отношения (*девочка не девочка – девочка-девочка*); д) вариативность частеречного замещения компонентов (*хочешь не хочешь; важно не важно*); е) невозможность распространения, вставки других слов.

2.1. Отношения производности фраземы от тавтологической предикативной единицы

Тенденция к элиминации глагольной связки привела и к появлению сочетаний непредикативного типа: *человек человеком, женщина женщиной, тайна тайной* и под., а также к изменению синтаксического статуса тавтологического сочетания и сдвигу в семантике. (Оговоримся, что в круг рассматриваемого языкового материала не включаем фразеологизм *Клин клином вышибать*, так как он не содержит тавтологической аномалии, значение объекта и орудия задаются валентностью предиката. Но следует согласиться с М. В. Копотевым в том, что «устойчивое выражение или клише, зафиксированное в словаре, может послужить толчком для развития синтаксической фраземы» [Копотев, 2008, с. 122]. По образцу фразеологизма строятся и другие тавтологические обороты, но лексическое наполнение позиций *X* ограничено семантикой объекта / орудия: *Подобное лечится подобным.*)

Вновь образованная синтаксическая фразема сохраняет связь с семантикой исходной предикативной тавтологии (тождество), но в ней проявляются и дополнительные смыслы:

сравнение:

То доска доской ходила, а теперь всё во мне появилось: и тут и там – всё, что каждой девке требуется... (Светлана Василенко. Ген смерти. 1997–2000);

интенсивность признака, качества, свойства:

С утра Валентин Петрович был человек человеком – внимательный, вежливый, а вечерней вахте порой крепко доставалось от него ни за что. (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности. 1974); *Самый умный человек в любви дурак дураком* (И. Грекова. На испытаниях. 1967).

Подобные непредикативные сочетания являются фраземами, способными выполнять общую синтаксическую функцию, причем не только функцию предиката, как в предыдущем примере, но и функцию субъекта:

А тут пошел дурак дураком пить чай этот ненужный, сел на стульчик деревянный и почувствовал собственный запашок – пота (Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).

Производящей для фраземы может быть и полипредикативная единица. Так, в работах [Копотев, Файнвейц, 2007; Копотев, Стексова, 2016] при описании фраземы *X так X* высказывается предположение о том, что первичной была неидиоматизированная условная конструкция: *Если X, так X*. Устранение условного союза и идиоматизация сочетания *X так X* приводит к ослаблению условной семантики, ее периферийности, а производная фразема приобретает значение неконтролируемого выбора или полноты признака.

Это положение можно подтвердить и на примере конструкций *X не X* и *X остается X-м*.

Е. Л. Вилинбахова [2017] исследует отрицательные предикативные тавтологии, к которым обычно относят структурные модели: *X не X*, *X – это не X* и *X не есть X* и которые обычно упоминаются в качестве производных от тавтологий тождества:

Вдруг он увидел ясно: Арсюшка далеко уже не Арсюшка. Арсений Иустинович Флоринский, действительный тайный советник, сенатор, вхож к государю, один из заправил департамента (Ю. В. Трифонов. Исчезновение. 1981);

Вот видите, тетя Даша, Таня не может про кактус рассказать, однако никто ее в обмане не подозревает. А вдруг Таня – это не Таня? (Дарья Донцова. Личное дело женщины-кошки. 2007).

Для нас важно отметить, что все эти модели являются предикативными, неслучайно автор отмечает, что на месте связки могут использоваться глаголы *значить, означать* и пр. Но наряду с этим, убедительно проанализированным автором языковым материалом, встречаются и другие примеры, которые лишь внешне, формально соответствуют конструкции *X не X*. Сравним два примера:

Я позвонила в «Огород» и обманом выпросила рецепт овощного шашлыка, мотивируя это тем, что без него статья не статья, а так, одно надувательство (Юлия Пешкова. Огородники // «Домовой», 2002.09.04);

Статья-не статья, а предыдущие страницы уже у меня были, тезисно на листочке (А. И. Солженицын. Бодался теленок с дубом. 1967–1974).

В первом случае тавтология *статья не статья* полностью соответствует описанной Е. Л. Вилинбаховой отрицательной предикативной конструкции, допускающей вербализацию нулевой связки: *не есть, не значит* и под. Во втором же примере тавтологическое сочетание не является предикативным, оно не допускает вставки связочного глагола. Это сочетание выполняет функцию предиката с нулевым объектом характеристики, который может быть вербализован: эти страницы – статья не статья = эти страницы не являются статьей. Выпадение (а не нуль) связки приводит не к образованию предикативной тавтологической конструкции, а к возникновению тавтологической фраземы. Обратим внимание, что в указанном примере это отражается и в написании через дефис, хотя чаще всего у других авторов дефиса нет:

– Красавица не красавица, а вот Зуев предлагал же сегодня оставить тебя и ехать с ним в провинцию, ему там место в земстве предлагают, я, признаться, не поняла какое, а только жалованья три тысячи (Ф. Ф. Тютчев. Кто прав? (Из одной биографии). 1892).

Как представляется, тавтологическая фразема является производной от соответствующей предикативной конструкции. Но при утрате статуса предикативной конструкции во фраземе происходит сдвиг в семантике ‘говорящий подчеркивает, что характеристики референта языкового выражения X или его восприятие отличаются от нормы’ (Вилинбахова) в сторону неопределенности, неполноты проявления признака, и меняются грамматические свойства.

- Фразема может выполнять разные функции.

В одних случаях функцию **субъекта**:

Помню: раздался тихий звонок; скоро серо-орехового цвета дверная петля раздвинулась, и в комнате оказалась – девочка не девочка, карлица не карлица: личико старенькое, как печеное яблочко, а явная ирония, даже шаловливый задор, выступавший на личике, превращал эту «существовицу» в девочку, что-то от шаловливой институтки; она была очень худая, мала ростом, быстра; и не пошла, а быстро-быстро просеменила навстречу к нам, окидывая меня не то шутливым, не то насмешливым взглядом, как бы говорящим... (Андрей Белый. Начало века (1930)).

В других случаях функцию **предиката** (в данном примере при вербально не выраженном объекте характеристики):

*– У нас считается бездарностью, – говорил Эдик, аккуратно переворачивая страницы, – несостоявшийся архитектор, горе-художник, а я вам скажу, **гений не гений**, но профессионал (Виктор Некрасов. Саперлипопет. 1983).*

- Переход предикативной единицы во фразему дает возможность изменения падежной формы имени существительного: *Он считал ее если не красавицей-красавицей, то уж безусловно симпатичной.*

• Утрата возможности вставки лексического компонента внутрь тавтологического сочетания. Ср.: *Так значит мой папа – **вовсе не мой папа?** Значит мой папа – вообще неизвестно кто...* (коллективный. Форум. 2007) (пример взят из статьи Е. Л. Вилинбаховой) при невозможности добавления компонентов внутрь фраземы.

• Появление некоторых ограничений на лексическое замещение тавтологических компонентов. Так, предикативное сочетание *Война войной* не порождает синтаксическую фразему. Представляется, что свобода, характерная для предикативной тавтологии, во фраземе ограничена, так как значение фраземы требует слов, в лексическом значении которых есть признаковая семантика: *карлица не карлица; красавица не красавица; гений не гений* и под. В случаях, подобных таким, как *девочка не девочка, статья не статья*, речь всё равно идет не об отрицании предмета, а о несоответствии его признаков, характеристик общепринятым, ожидаемым. На первое место выходит признак некоей неопределенности.

• Именно эта признаковая составляющая в семантике фраземы и семантика неопределенности обусловили возможность заполнения позиций *X не X* лексемами других частей речи:

✓ прилагательными:

– *Где уж она этакий сыскала – неизвестно – **черный не черный**, вроде бы как в пепле извоженный, липкий* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 1968–1991);

✓ СКС:

– *В голове у меня пошло колесом, и мне стало вдруг **страшно** – не страшно, а как-то жутко* (Н. Д. Ахшарумов. Концы в воду. 1872);

✓ наречиями:

– *Далёко не далёко, – отвечал старик, – а тебе туда ехать ближе, чем тут оставаться...* (А. П. Платонов. Чевенгур. 1929).

Кроме того, важно отметить, что существуют **омонимичные** тавтологические сочетания с разными значениями.

Наличие выбора одного из возможных вариантов:

– *Ты Платонова читал? Кинь в меня халатом и отвернись. – Опять ты за свое!.. **Читал – не читал**... Ты небось читала, а сидишь здесь как пришитая...* (Екатерина Завершнева. Высотка. 2012);

*А то я уже измучилась – не пойму, **насморк не насморк, гулять не гулять**...* (Наши дети: Малыши до года (форум) 2004);

– *Так это что же, наши? – удивился Сорин. – **Наши, не наши**, какая разница? Он английский подданный. Когда-то, конечно, отсюда линял, а сейчас сюда и носа практически не кажет* (Петр Галицкий. Опасная коллекция. 2000);

*Матч вроде судьбоносный: **будем не будем, станем не станем?*** (Е. Шкловский).

В этих и подобных примерах вполне допустима подстановка разделительного союза **или**: *читал или не читал, насморк или не насморк, гулять или не гулять, наши или не наши*.

Неактуальность, неважность условия, событие произойдет в любом случае:

*Ясно было: **упрашивай не спрашивай**, больше Ванька играть не будет!*
(Е. Шкловский) = хоть спрашивай, хоть не спрашивай.

Значение предположения:

*Как когда-то давно не давала покоя мысль о шпане во дворе – **тронут не тронут, привяжутся не привяжутся**... Может, привяжутся, а может пронесет* (Е. Шкловский).

Итак, можно отметить, что по модели *X не X* строится по крайней мере три типа высказываний: а) предикативная отрицательная тавтологическая единица; б) фразема, являющаяся одним синтаксическим и семантическим компонентом предложения и в) лексически повторяющиеся однородные компоненты, которые могут быть представлены во всей парадигме формоизменения. И если фраземы являются производными от отрицательной тавтологической предикативной единицы, то третья группа не связана с первыми двумя отношениями производности. Здесь, вероятно, можно говорить только об омонимии.

2.2. Отношения производности фраземы от компонента предшествующей реплики

Отдельное место занимают синтаксические фраземы, в основе которых, как представляется, отношения производности, основанные на лексическом повторе рематического компонента предшествующей реплики. К этой группе можно отнести фразему *Ну, X и X*:

*От нее не убудет. – Обязательно убудет, – сказал Специалист. – Она **перестанет** быть собой. – **Ну, перестанет и перестанет**. В конце концов она тебе не жена и не любовница* (Б. Левин. Иностранное тело).

Рематичность компонента в предшествующей реплике утрачивается во фраземе, которая выражает безразличие, равнодушие, маркирует неактуальность информации. При этом во фраземе повторяется та же лексема и в той же грамматической форме:

«Глуп, – говорит, – ты». Ну, глуп и глуп, – не впервой мне это от него слышать, а я все-таки вижу, что он всем этим недоволен...» (Н. Лесков. Божедомы).

На лексическом повторе компонента предшествующей реплики основана и фразема *X-то X*:

*Он ведь обещал тебе помочь! – **Обещать-то обещал**, но ничего не сделал;
Вы готовились к экзамену? – **Готовиться-то готовилась**, но всё забыла.*

Частотным является заполнение позиции *X* глагольной формой, хотя возможно использование и существительного:

*Ты пообедала? – Да, я съела котлету. – **Котлета-то котлетой**, но и суп надо было поесть.*

Важным является то, что первый компонент всегда в начальной форме, а второй либо спрягаемая форма глагола, либо форма существительного в творительном падеже. Но здесь есть принципиальное отличие от фраземы *Ну, X и X*, которое заключается в том, что этот лексический повтор может функционировать только в составе сложного предложения с противительными отношениями, так как фразема имеет значение частичного согласия с предшествующей репликой, которое ограничивается информацией, излагаемой во второй предикативной единице.

На лексическом повторе рематичного компонента предшествующей реплики основана и фразема *X не X*:

Обещай это сделать! – Обещать ничего не обещаю, совсем не понимаю, почему я должна обещать;

Обещать не обещаю, но постараюсь сделать.

Здесь также первый компонент всегда в начальной форме. Наличие отрицания перед вторым компонентом порождает семантику отказа, категоричность которого снимается за счет информации во второй предикативной единице:

Приходи завтра поздравить Настю с днем рождения. – Прийти не приду, но позволю обязательно.

Заключение

Итак, наблюдения показывают, что в сфере тавтологий наблюдаются системные отношения.

1. Отношения производности между тавтологическими сочетаниями может приводить к разным результатам:

а) тавтологическая предикативная единица с глагольной связкой за счет утраты ее может породить

- новую тавтологическую предикативную единицу с нулевой связкой со сдвигом в семантике, что позволяет ей вступить в отношения синонимии с уже существующей (*Платье есть платье = Платье как платье*);

- новую тавтологическую предикативную единицу в составе сложноподчиненного предложения: *Война войной, а обед по расписанию*;

- фразему за счет утраты глагольной связки, что приводит к изменению грамматических свойств и синтаксического статуса сочетания и к сдвигу в семантике, всё это свидетельствует о движении по шкале грамматикализации;

б) процесс лексического повтора рематичного компонента предшествующей реплики приводит к возникновению синтаксической фраземы, характеризующейся дополнительными прагматическими смыслами и выполняющей текстообразующую функцию.

2. Тавтологические сочетания системно вступают между собой в отношения синонимии, омонимии, антонимии. Важно отметить, что эти отношения проявляются не на уровне лексики, так как лексическое наполнение вариативно, а на уровне синтаксиса, в эти отношения вступают именно тавтологические конструкции.

Список литературы

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

- Вилинбахова Е. Л. Когда статья – это не статья: отрицательные тавтологии в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Т. 2, вып. 16 (23). С. 441–452.
- Вилинбахова Е. Л., Копотев М. В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: ЮКЛ. 2008. 276 с.
- Копотев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки, 2008. 126 с.
- Копотев М. В., Файнвейц А. В. Изучать так изучать: синхрония и диахрония // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 9. С. 29–37.
- Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: ЯСК, 2016. 166 с.
- Матханова И. П., Храмцова Л. Н. Лексико-грамматическая характеристика и особенности функционирования редуцированных существительных в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 272–285. DOI 10.17223/18137083/82/20
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 607 с.
- Руднев Д. В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2007. Вып. 7. С. 89–100.
- Стеклова Т. И. Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа *ну приехал и приехал* // VERBUM: язык, текст, словарь. Екатеринбург, 2006. С. 81–88.
- Стеклова Т. И. Интерпретационный потенциал тавтологических сочетаний Им. п. + Тв. п. // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим. Новосибирск, 2007. С. 61–68.
- Стеклова Т. И., Шмелева Т. В. Лексема ФАКТ: идиоматизация и грамматикализация // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с международным участием, посвящ. 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2021. С. 113–118.
- Урысон Е. В. Об одном типе русских предложений тождества (Платье и платье, ничего особенного) // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 104–115.
- Харвег Р. Редуцированная речь // НЗЛ. 1978. Вып. 8. С. 383–401.

References

- Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 574 p.
- Kharveg R. Redutsirovannaya rech' [Reduced speech]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1978, iss. 8, pp. 383–401.
- Kopotev M. V., Faynveyts A. V. Izuchat' tak izuchat': sinkhroniya i diakhroniya [To study so to study: synchronicity and diachrony]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007, no. 9, pp. 29–37.
- Kopotev M. V. *Printsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [Principles of syntactic idiomatization]. Helsinki, 2008, 126 p.

Kopotev M. V., Steksova T. I. *Isklyuchenie kak pravilo: perekhodnye edinitsy v grammatike i slovare* [Exception as a rule: transitional units in grammar and vocabulary]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 166 p.

Matkhanova I. P., Khramtsova L. N. Leksiko-grammaticheskaya kharakteristika i osobennosti funktsionirovaniya reduplitsirovannykh sushchestvitel'nykh v sovremen-
nom russkom yazyke [Lexico-grammatical characterization and peculiarities of func-
tioning of reduplicated nouns in modern Russian]. *Siberian Journal of Philology*. 2023,
no. 1, pp. 272–285. DOI 10.17223/18137083/82/20

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the
semantics of lexicon]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 607 p.

Rudnev D. V. Mestoimennaya svyazka eto v istoricheskom aspekte [The pronoun
conjunction “eto” (this) in the historical aspect]. *Vestnik SPbSU. Series 9*. 2007, iss. 7,
pp. 89–100.

Steksova T. I. Interpretatsionnyy potentsial sintaksicheskikh frazem tipa nu priekhal
i priekhal [Interpretational potential of syntactic phrases like “nu priekhal i priekhal”
(well, you came and came)]. In: *VERBUM: yazyk, tekst, slovar'* [VERBUM: language,
text, dictionary]. Ekaterinburg, 2006, pp. 81–88.

Steksova T. I. Interpretatsionnyy potentsial tautologicheskikh sochetaniy Im. p. +
Tv. p. [Interpretational potential of tautological combinations of Nominative case + In-
strumental case]. In: *Problemy vybora i interpretatsii yazykovogo znaka govoryashchim
i slushayushchim* [Problems of choice and interpretation of a linguistic sign by a speaker
and a listener]. Novosibirsk, 2007, pp. 61–68.

Steksova T. I., Shmeleva T. V. Leksema FAKT: idiomatizatsiya i grammatikaliza-
tsiya [Lexeme FAKT (FACT): idiomatization and grammaticalization]. In: *Russkiy sin-
taksis: ot konstruksiy k funktsionirovaniyu. Sb. materialov Vseros. nauch. konf.
s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 95-letiyu doktora filologicheskikh nauk,
professora Ally Fedorovny Priyatkinoy* [Russian syntax: from constructions to function-
ing: Collection of materials of the All-Russian scientific conference with international
participation, dedicated to the 95th anniversary of Doctor of Philological Sciences, Pro-
fessor Alla Fedorovna Priyatkina]. Vladivostok, Far East Federal University, 2021,
pp. 113–118.

Uryson E. V. Ob odnom tipe russkikh predlozheniy tozhdestva (Plat'e i plat'e,
nichego osobennogo) [About one type of Russian identity sentences (Dress and dress,
nothing special)]. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*.
2020, no. 3 (25), p. 104–115.

Vilinbakhova E. L. Kogda stat'ya – eto ne stat'ya: otritsatel'nye tautologii v rus-
skom yazyke [When an article is not an article: negative tautologies in Russian
language]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2017, vol. 2,
iss. 16 (23), pp. 441–452.

Vilinbakhova E. L., Kopotev M. V. “X est' X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet
v sinkhronii i diakhronii [“X is X” means “X means X”?]. *Voprosy Jazykoznanija (Top-
ics in the study of language)*. 2017, no. 3, pp. 110–124.

Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow, LRC
Publishing House, 2008, 276 p.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Стексова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Tatiana I. Steksova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 26.12.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 24.04.2023
The article was submitted on 26.12.2022;
approved after reviewing on 24.04.2023; accepted for publication on 24.04.2023*